Пашков Андрей Викторович

ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА РОССИИ

Статья содержит анализ современных концепций предпринимательского права как самостоятельной отрасли права. Исследуются основные направления по вопросу о содержании предмета правового регулирования предпринимательского права. Предлагается авторская концепция предмета правового регулирования предпринимательского права, включающая совокупность предпринимательских отношений экономико-технологического, экономико-социального и экономико-политического типа. Формирование предпринимательских отношений рассматривается в рамках стихийного рыночного порядка, обладающего естественно-правовым характером, обеспечивающего реализацию субъектами предпринимательского права рыночного экономического интереса самосохранения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-2/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 138-144. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY IN DESIGN THEORIES

Novikova Elena Yur'evna, Doctor in Philosophy, Professor
Plekhanov Russian University of Economics
Novikovaelena77@yandex.ru

The article reveals the heuristic nature of philosophical anthropology principles application in design theories. The author's analysis of the modern directions of –emotional" design is given. The author substantiates the necessity of relating the conceptions of design to the conceptions and categories of philosophical anthropology. According to the author, system philosophical methodology allows overcoming the one-sidedness of –emotional" design, considering the designer's creative activity in wide social-anthropological context.

Key words and phrases: philosophical anthropology; creative activity; design; methodology; man; customer; values; social responsibility of designer.

УДК 346
Юридические науки

Статья содержит анализ современных концепций предпринимательского права как самостоятельной отрасли права. Исследуются основные направления по вопросу о содержании предмета правового регулирования предпринимательского права. Предлагается авторская концепция предмета правового регулирования предпринимательского права, включающая совокупность предпринимательских отношений экономико-технологического, экономико-социального и экономико-политического типа. Формирование предпринимательских отношений рассматривается в рамках стихийного рыночного порядка, обладающего естественно-правовым характером, обеспечивающего реализацию субъектами предпринимательского права рыночного экономического интереса самосохранения.

Ключевые слова и фразы: предмет правового регулирования предпринимательского права; экономико-технологические отношения; экономико-социальные отношения; экономико-политические отношения; рыночный экономический интерес; субъект предпринимательского права; свобода предпринимателя; пределы вмешательства государства в экономику; неотъемлемые права человека; самосохранение как рыночный экономический интерес.

Пашков Андрей Викторович, к.ю.н., доцент
Самарский государственный университет
attorney83@ya.ru

ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА РОССИИ©

Теоретические воззрения относительно предмета правового регулирования предпринимательского права России в силу фактически сложившейся к настоящему моменту ситуации в правовой доктрине могут обсуждаться исключительно в контексте *проблемы* существования предпринимательского права в будущем. До настоящего времени этот вопрос и, следовательно, вопрос о существовании предмета такой отрасли права, к сожалению, остается предметом исключительно научной дискуссии. И содержание этой научной дискуссии традиционно сводится к противостоянию двух принципиально противоположных подходов в вопросе об отнесении к предмету правового регулирования предпринимательского права отношений, складывающихся в связи с наличием государства в экономике. Напомню, что сторонники дуалистической концепции регулирования предпринимательства подобного рода отношения однозначно относят к предмету правового регулирования административного права и как предпринимательские отношения не рассматривают.

Однако, как отмечается в научной литературе [14], и среди сторонников монического направления регулирования предпринимательства нет единой позиции. По мнению С. Мороз, «камнем преткновения… выступают происхождение или истоки предпринимательского права» [Там же], которыми, по ее мнению, объявляют либо хозяйственное право (В. С. Мартемьянов, В. В. Лаптев, А. Г. Быков), либо торговое и хозяйственное право (И. В. Ершова, Т. М. Иванова, К. К. Лебедев), либо гражданское право (Т. В. Кашанина). С. Мороз делает вывод о том, что скорее «наблюдается противостояние и противоборство различных школ хозяйственного права за лидерство в этой области, чем имеет место создание совершенно новой и современной концепции предпринимательского (хозяйственного) права» [Там же].

В рамках заявленной темы статьи мы не считаем необходимым вступать в дискуссию относительно проблемы самостоятельности предпринимательского права. Однако выводы С. Мороз требуют детального анализа.

© Пашков А. В., 2013

С нашей точки зрения, С. Мороз абсолютно права, когда говорит о том, что существует проблема истоков современного предпринимательского права. Однако тот контекст этой проблемы, на который она обращает внимание, приводит ее исключительно к выводу о «противоборстве различных школ хозяйственного права за лидерство». Это абсолютно поверхностный взгляд. Проблема гораздо глубже и связана не с тем, что современное предпринимательское право является преемником хозяйственного, торгового или гражданского права. С нашей точки зрения, вне зависимости от того, что конкретно предшествовало современной научной концепции предпринимательского права, его научная традиция продолжает оставаться в рамках науки *советского* права. И это особенно заметно на примере взглядов на предмет правового регулирования современного предпринимательского права.

Если проанализировать мнения сторонников самостоятельности предпринимательского права по вопросу о содержании предмета правового регулирования предпринимательского права, то можно выделить две группы отношений традиционно включаемые в предмет правового регулирования.

Первая группа авторами обозначается как отношения, которые складываются при осуществлении предпринимательской деятельности (отношения по горизонтали) между автономными участниками гражданского оборота [10, с. 22-23]; отношения, складывающиеся в процессе хозяйственной деятельности [4, с. 26]; предпринимательские отношения и тесно связанные с ними иные, в том числе некоммерческие отношения [12, с. 1]; отношения по осуществлению производственного цикла и хозяйственного оборота с целью получения прибыли [Там же, с. 2]; отношения по установлению делового сотрудничества с контрагентами [8, с. 49-52]; отношения по осуществлению предпринимательской деятельности [6, с. 9-11]; отношения по организации и осуществлению предпринимательской деятельности [15, с. 14]; предпринимательские имущественные отношения [1, с. 25] и т.д.

Вторая группа отношений – отношения по урегулированию предпринимательской деятельности, которые возникают между субъектами, занимающимися предпринимательством, и государственными органами [10, с. 22-23]; отношения по государственному регулированию экономики в целях обеспечения интересов государства и общества [12, с. 1]; отношения по упорядочению государством частного сектора хозяйства, установление и регулирование им институтов рынка [3, с. 4-5]; отношения между предпринимательскими структурами и государственными органами [8, с. 49-52]; отношения, возникающие при организации (регулировании) предпринимательской (хозяйственной) деятельности [4, с. 26] и т.д.

Следует отметить, что весьма распространенным является мнение и о наличии третий группы отношений, включаемой в предмет правового регулирования, – внутрихозяйственных отношениях, складывающихся между обособленными подразделениями предприятия [10, с. 22-23]. Более того, Т. В. Кашанина полагает, что корпоративные или внутрифирменные отношения занимают центральное и доминирующее место в предмете предпринимательского права (отношения по управлению капиталами, находящимися в распоряжении корпорации; отношения по использованию ее материальных ресурсов; и другие внутрифирменные отношения) [8, с. 49-52]. Однако, с нашей точки зрения, данная группа отношений, несомненно, имеющая особенности своей статики и динамики, все же по своему фокусному смыслу и значению является только разновидностью первой группы отношений.

Своеобразие каждой приведенной авторской позиции не может затушевать того, что первая группа объединяет отношения, которые в своем фокусе являются отношениями, связанными с экономическим воспроизводственным процессом – производством, обменом, распределением и потреблением, которые можно обозначить как экономико-технологические отношения. Но, ограничившись акцентом исключительно на экономическом воспроизводственном характере этих отношений, мы всего лишь скажем о *каких-то* экономических отношениях. И в античный период истории, и в период феодализма такие отношения, как отношения, связанные с производством, распределением, обменом и потреблением, присутствовали. Точно также ничего нового, с точки зрения внутреннего содержания этих этапов, кроме, конечно, организационно-технологических компонентов, человечеством также не предложено. Однако никто не будет спорить и с тем, что современные российские экономические отношения и экономические отношения, например, в СССР – это разные экономические явления. Это позволяет предположить присутствие в любых экономических отношениях как универсального, так и специфичного.

Универсальность любых экономических отношений связана с их базовым предназначением, связанным с обеспечением во все времена и у всех народов выживания человека в окружающем природном и социальном мире. Специфика же экономических отношений связана со способом обеспечения выживания. Мы предположили, что в экономическом (узком) смысле эти способы, в общем-то, универсальны. Следовательно, специфика способов выживания в другом. То есть специфику современных рыночных экономических отношений, отличающихся, например, от экономических отношений в СССР, необходимо искать в условиях, обеспечивающих реализацию экономических отношений. Мы можем предположить, что специфику рыночных экономических отношений, которые в качестве фокусных включают отношения с участием предпринимателя, необходимо искать в способах позиционирования предпринимателя в этих отношениях. Например, свободный характер деятельности предпринимателя, на что, как правило, будет обращено внимание при поиске специфики рыночных экономических отношений, является оценочной характеристикой взаимодействия предпринимателя с другими участниками этих отношений и в первую очередь с государством.

Точно так же, как и в первой группе отношений, включаемых в предмет правового регулирования предпринимательского права, во второй группе терминологические особенности авторских позиций не могут скрыть

того, что в данном случае это отношения, возникающие в связи с участием именно государства в экономике. И максимально нейтральный термин – «отношения между…», и менее нейтральный – «отношения по упорядочению…», и более акцентированный – «отношения по регулированию…» предполагают одно и то же – воздействие государства на участников экономических отношений, в первую очередь с участием предпринимателя.

По своей сути, это отношения, связанные с координацией общественного воспроизводственного процесса, представленной в первую очередь государственным воздействием на экономику.

Позволим себе вернуться к дуалистическому направлению, представители которого, ограничиваясь в предпринимательстве «чистой» экономикой, считают, что речь в данном случае идет не об экономических отношениях, а об отношениях власти и подчинения в экономике. Как пишут авторы учебника «Коммерческое право», изданного под редакцией В. Ф. Попандопуло и В. Ф. Яковлевой: «Управленческая… деятельность не является экономической, не ~~н~~погружается" в экономический базис, не представляет собой необходимого элемента собственного производства. Она является функцией политической власти в экономической сфере общества и относится к сфере надстройки» [2, с. 10]. Как мы видим, даже терминологически в данном случае «поборники» «чистого» рынка и частного права пользуются марксисткой терминологией, отводя, видимо, и праву роль «надстройки»! Однако даже столь категоричное утверждение позволяет все же авторам указать: «Разумеется, нельзя отрицать, что управление присуще и собственно производству (предпринимательской деятельности), но здесь оно проявляет себя как самоуправление (саморегулирование) предпринимателя. Управленческая деятельность, осуществляемая органами управления коммерческой организации, образует необходимый элемент самого производства, так как проявляет себя в рамках коммерческой организации, непосредственно в процессе осуществления производственной деятельности» [Там же]. Такой подход, как указывают авторы, основывается на утверждении К. Маркса о том, что управление производством есть функция самого процесса производства, а труд по управлению относится к производительному труду [11, с. 342].

Если же обратиться к указанной части великого труда К. Маркса «Капитал» (Том 1, Глава 11 «Кооперация»), то, скорее, необходимо обратить внимание на те тенденции, которые фиксирует К. Маркс в связи с описанием процессов первоначального накопления капитала: «…Первоначально командование капитала над трудом являлось лишь формальным следствием того, что рабочий трудится не для себя, а для капиталиста и, следовательно, под властью капиталиста. С развитием кооперации многих наѐмных рабочих командование капитала становится необходимым для выполнения самого процесса труда, становится действительным условием производства». Далее: «…Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов» [Там же].

Говорит ли Маркс в данном отрывке о функциях государственного управления? Конечно, нет, в силу того, что данная часть работы была направлена на выявление первоначальных условий формирования капиталистического (экономического) способа производства. Марксом отмечены тенденции – включение управления как функции согласования общественных экономических процессов, первоначально на уровне отдельно взятого капиталистического предприятия. Вопрос непосредственного влияния государства на экономику Марксом уже не ставился в силу того, что его, в отличие от всех тех, кто эту проблему пытается решить, не интересовало сохранение экономической системы с влиянием ли, или без влияния ли государства. Государство Маркса интересовало в экономическом смысле как надстроечное явление, гарант сохранения и консервации капиталистического способа производства (как инструмент классового подавления). Однако функция координации даже в приведенном примере становится фактором производства, то есть фактором и интересом экономическим.

В связи с этим интересно отметить то понимание дихотомии экономического/неэкономического, которое было предложено Карлом Менгером в ходе описания основных положений сформулированной им теории субъективной ценности. В частности, рассматривая понятие блага, Менгер предлагает в понимании того, экономическое это благо или неэкономическое, ориентироваться исключительно на значимость этого блага в процессе удовлетворения потребности человеком. В случае, когда доступное распоряжению количество благ превышает надобность людей в них, то, следовательно, получение этих благ не сопряжено с осуществлением хозяйствования [13, с. 103-119], и, следовательно, такое благо становится неэкономическим. Таким образом, экономический/неэкономический характер блага определяется не тем, что изначально является сущностью блага, а раскрывается в процессе определенного рода взаимодействия, основанного на субъективных оценках участников взаимодействия. Таким образом, для понимания экономического характера интересов требуется определенная субъективная оценка его значимости (редкости) в процессе удовлетворения потребностей-интересов субъектов.

Рассматривая управление (координацию) как способ реализации накопленного в обществе знания, мы не можем не заметить, что в этом случае применение этого знания основывается на вовлечении в его реализацию всех заинтересованных лиц. Это явление основано на рассеянности знания среди всех членов общества и фактически означает, что управление (координация), в том числе и в экономике, невозможно без участия всех членов общества, всех участников экономических отношений. Таким образом, как пишет Фридрих фон Хайек, характеризуя такое «разделение труда»: «Каждый из членов общества может обладать лишь малой долей общего знания, в силу чего каждый пребывает в неведении относительно большинства фактов, на которых покоится функционирование общества» [19, с. 33]. Следовательно, координация становится экономическим фактором, поскольку фактически решает проблему редкости (рассеянности) знания в обществе

путем выявления, получения и концентрации знания. Координация предстает, как попытка в какой-то степени преодолеть рассеянность и неопределенность имеющейся информации. Объективными предпосылками необходимости такой экономической деятельности для любого современного рыночного социального государства становятся качественные изменения современного рыночного социума, который формируется, в условиях неизбежной социализации экономики и, одновременно, ее глобализации.

Следовательно, координация в любых ее формах становится экономическим фактором воспроизводственного процесса. Мы можем обозначить эти отношения как предпринимательские отношения экономико-социального типа.

В современной рыночной экономике только совокупность экономико-технологических и экономико-социальных процессов обеспечивает синергетический эффект в виде экономического роста, в конечном итоге и обеспечивающего выживание. Однако, с нашей точки зрения, фактически именно о таком эффекте говорил еще в 70-х годах прошлого века и В. В. Лаптев. Не используя термин «синергетический», тем не менее, он писал, что «тесное взаимодействие правоотношений в области социалистического хозяйства приводит к возникновению (цепочек) хозяйственных правоотношений. В такой цепочке не растворяются входящие в нее правоотношения, каждое из которых складывается между двумя субъектами хозяйственного права… Связь между правоотношениями, входящими в цепочку, настолько тесна и органична, что есть основания рассматривать такую цепочку как сложное многостороннее правоотношение» [9, с. 106-107]. На примере плановых отношений поставки В. В. Лаптев демонстрировал, что «правоотношение по горизонтали полностью предопределяется правоотношением по вертикали, изменение планового задания непосредственно меняет содержание соответствующего хозяйственного договора. Значит, правоотношение по планированию органически связано с правоотношением по договору поставки, юридическое действие планирующего органа – субъекта первого правоотношения непосредственно сказывается на содержании второго правоотношения, стороной которого данный орган не является» [Там же, с. 107]. Но, что являлось основанием такой синергетической модели? В. В. Лаптев объясняет, что «в приведенном… примере… действия участников правоотношений по горизонтали и по вертикали направлены на обеспечение поставки продукции в соответствии с нуждами народного хозяйства» [Там же, с. 108]. Как отмечала Р. О. Халфина в 1954 году, действительность воли хозяйствующего субъекта поставлена в зависимость от ее соответствия воли государства, и поскольку воля всех государственных организаций должна отвечать воле государства, то и противоречий между ними не возникает [20, с. 62-64]. На примере развития концепции хозяйственного договора советского периода С. С. Занковским продемонстрирована жесткая зависимость правового регулирования от развития идеолого-политических моделей, лежащих в основе формирования общества того периода [7 , с. 19-52].

Таким образом, идеологическая концепция советских хозяйственных правоотношений была естественно основана на особого типа непротиворечивом базисе целеполагания всех участников экономических (хозяйственных) отношений. Государство в этой модели было представлено везде и всюду, а цели любого участника таких отношений под угрозой самых серьезных негативных последствий всегда соответствовали целям государства. Показателем такого единства является тот факт, что даже Госарбитраж СССР, рассматривающий споры в хозяйственной сфере, в правовой науке иногда рассматривался и как орган исполнительной власти.

Современные рыночные отношения совсем иного рода. Однако модель правового регулирования, естественно характерная для регулирования советской хозяйственной системы, перекочевала в современную модель регулирования рыночного социума без какой-либо трансформации.

С нашей точки зрения, признавая включение в предмет правового регулирования предпринимательского права, с одной стороны, традиционных экономических воспроизводственных отношений, а с другой стороны, отношений, связанных с координацией, мы тем самым, в отличие от советской экономической системы, сталкиваемся с потенциально противоречивой системой. Сказанное не является оценочной характеристикой в сравнении двух систем. Тем не менее, разрешить противоречия путем вычленения координационных отношений из предмета правового регулирования предпринимательского права и, следовательно, из экономических отношений в современных условиях невозможно. Точно так же невозможно вернуться полностью и к советской плановой экономике. Следовательно, в современной экономической системе и, следовательно, в ее правовом регулировании всегда будет оставаться открытым вопрос о пределах развития соответствующих моделей – с одной стороны, правовых моделей, основанных на свободе предпринимателя, а с другой стороны, моделей, предполагающих вмешательство государства. Неестественный рост государственного вмешательства может привести к разрушению системы в целом. Но и использование экономической свободы без учета социального характера современного рыночного государства также может повлечь катастрофические последствия. Следует учитывать, что не менее важными факторами, усиливающими потенциальную противоречивость современной рыночной системы, являются и склонность лиц к ошибкам, и противоречивость самой экономической власти с ее тенденциями к монополизации и т.п. На эти аспекты обращается внимание представителями современной науки предпринимательского права. Так, Е. П. Губин отмечает, что и рынку, как саморегулируемой системе, и государству в экономике свойственны объективные недостатки [5, с. 29-34]. Однако приведенные обстоятельства автором использованы в основном для обоснования объективности исключительно государственного вмешательства в рыночную экономику и постановке вопроса лишь о пределах такого вмешательства [2, с. 37]. Более широко на эту проблему предлагает взглянуть С. С. Занковский, который ставит вопрос о «способах отыскания и поддержания надлежащего соотношения

между публичным и частным правом» в контексте наполнения содержанием «разумного компромисса» между экономической свободой и государственным воздействием на экономику [7, с. 60].

С нашей точки зрения, такая потенциальная неустойчивость должна быть компенсирована созданием правовых гарантийных механизмов, которые являются формой обеспечения рыночного экономического интереса и поддержания рыночной системы в сбалансированном состоянии, позволяющей ей саморазвиваться. В этом случае, несмотря на свою, казалось бы, внешне абсолютную а-экономичность, тем не менее, такие правовые механизмы являются элементом обеспечения рыночных экономических интересов.

В связи с этим мы считаем, что третью группу отношений, включаемую в предмет правового регулирования современного предпринимательского права, составляют отношения, возникающие в связи с необходимостью обеспечения стабильности экономико-технологических и экономико-социальных отношений. Такие отношения можно обозначить как экономико-политические отношения.

С нашей точки зрения, последние представлены «неэкономическими» элементами экономики в виде правовых механизмов, связанных с реализацией и обеспечением неотъемлемых прав человека, гарантирующих сохранение рыночной экономической системы в целом, соблюдение интересов всех участников рыночной экономической системы, устранение противоречий между экономико-технологической и экономико-социальной составляющими рыночного социума.

Напомню, что традиционные «локковские» механизмы, ассоциируемые с рыночно-социальной моделью «laissez-faire» (государство – ночной сторож), предполагали поиск баланса в создании механизмов защиты экономическими правами прав религиозных (политических). Современная рыночная система не может раз и навсегда закрепить механизмы соотношения прав предпринимателя и функций государства. Помощь в согласовании и тем самым придании устойчивости всему рыночному социуму могут оказать только механизмы, связанные с реализацией права на жизнь (ст. 20 Конституции РФ) и личную свободу (ст. 22 Конституции РФ), права на свободу мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ), права на свободу митингов, шествий и демонстраций (ст. 31 Конституции РФ), права на религиозную свободу (ст. 28 Конституции РФ) и светский характер государства (ст. 14 Конституции РФ) и т.д.

Воспользовавшись вышеприведенной методикой Менгера, можно отметить следующее. Если мы будем рассматривать процесс поиска баланса в рыночном социуме, как процесс поиска того, что не «лежит на поверхности», а может стать результатом сложного взаимодействия всех заинтересованных лиц, то такая модель становится похожей на модель появления блага, как процесса решения проблемы редкости в процессе хозяйствования. Условиями оценки получаемого результата (установления баланса в рыночном социуме) как редкости является то, что оптимальная модель баланса может появиться только в условиях неопределенности, ограниченности имеющихся в распоряжении знаний, фактов, информации, склонности людей к ошибкам и т.д. То есть условиями поиска являются условия, в которых присутствует недостаток определенности. Поиск определенности (установления баланса в рыночном социуме) в рыночном социуме – это поиск, в котором получаемое благо-интерес становятся экономическими.

Более того, как указывает Менгер, причины, по которым блага неэкономические, по своей внутренней или внешней сути, становятся экономическими, могут быть двоякие, а именно: или рост потребностей, или уменьшение количества, доступного распоряжению.

Важнейшими причинами увеличения надобности являются:

1) увеличение населения, в особенности местное приращение его;

2) рост человеческих потребностей, благодаря которому увеличивается количество благ, необходимое для удовлетворения потребностей одного и того же числа жителей;

3) успехи людей в познании причинной связи между предметами и их благосостоянием, вследствие чего возникают новые назначения благ [13, с. 113].

Для нашего анализа имеют значение последние две причины. Рост человеческих потребностей в процессе осознания индивидом необходимости дополнительных условий, а также установление причинных связей в процессах обеспечения условий жизнедеятельности, делают ранее неэкономические блага благами экономическими. Человеческие потребности могут быть как в сфере непосредственного физического выживания, так и в сфере трансвыживания (в терминологии Э. Фромма) [18]. Именно в сфере трансвыживания может возникнуть осознание индивидом и обществом в целом необходимости иного подхода к формированию рыночного социума. Основанием к появлению идей о новых потребностях является осознание ранее возникшего интеллектуального и практического наследства.

Однако не только сказанное позволяет все три группы отношений объединить в один предмет правового регулирования. По своей внутренней сущности все эти отношения имеют единое основание. Во всех вышеназванных группах отношений мы можем обнаружить единый рыночный экономический интерес как осознанную и реализуемую заинтересованными лицами необходимость восполнения недостающих условий для нормального жизнедеятельности. С нашей точки зрения, это интерес самосохранения, в основе которого лежит высшее человеческое благо – жизнь.

Самосохранение может быть представлено в различных вариантах – от простого физического самосохранения до самосохранения социального, экономического, юридического характера. Лежащее в основе самосохранения благо-жизнь настолько универсально, что предоставляет нам возможность за любым человеческим действием рассмотреть ее очертания. Как пишет Джон Финнис: «Признание, преследование и осуществление этой основной человеческой цели… бесконечно многообразны: отчаянная борьба и молитва

человека, оказавшегося за бортом и старающегося удержаться на плаву, пока его корабль не вернется за ним; слаженная работа хирургов и многочисленный подчиненный персонал, целая сеть вспомогательных служб, медицинских школ и т.д.; законы и программы безопасности движения; отправка продовольствия в помощь голодающим; земледелие, животноводство, рыболовство; торговля продуктами питания; возвращение к жизни самоубийц; наблюдение за тем, чтобы никто не заступал на проезжую часть дороги…» [17, с. 119].

Если с физическим выживанием как формой самосохранения все достаточно понятно, то в случае социального самосохранения мы можем говорить об осознанной необходимости восполнения условий, обеспечивающих самопорождение рыночного социума, а также его основу – стихийный характер рыночного порядка. В связи с этим представляет интерес высказанная Менгером идея существования благ различного уровня. С точки зрения Менгера, в зависимости от того, насколько напрямую связано благо с удовлетворением наиболее простых потребностей человека, блага можно подразделить на блага первого, второго и последующих уровней. В этом случае блага второго уровня непосредственно не связаны с выживанием человека, но обеспечивают условия для создания благ первого уровня и т.д. [13, с. 70-80].

Наиболее простой демонстрацией такого рода рассуждений применительно к юридическим механизмам является та конструкция целей деятельности предпринимателя, которая в ст. 1 ГК РФ определяется через категорию «прибыль». Что такое прибыль как цель деятельности? Если это то, по поводу чего возникает любое правоотношение с участием предпринимателя, то в этом случае прибыль никак не укладывается в те идеальные образы, которые определены ст. 128 ГК РФ, как объекты гражданских прав. С нашей точки зрения, прибыль в рассматриваемом контексте – это благо второго, третьего, четвертого уровней, предполагающая в конечном итоге положительный результат от деятельности предпринимателя в целом, обеспечивающей его физическое выживание как индивида.

Таким образом, субъектами предпринимательского права мы можем считать лиц, обладающих различными формами рыночного экономического интереса, в основе которого интерес самосохранения. Так, любой индивид может заявлять о своем существовании, не иначе как обеспечивая себе физическое выживание, которое, в свою очередь, не может быть объяснено, если не существует фроммовское трансвыживание, которое в конечном итоге порождает и других субъектов предпринимательского права – предпринимателя, государство и гражданское общество. По этому поводу Хайек пишет, что существование государства и политики можно оправдать только в том случае, если они представляют собой комплекс правил, способствующих достижению наибольшего количества абстрактных социальных преимуществ в условиях противостояния ограниченных ресурсов неограниченности потребностей и целей [19, с. 395-397]. У названных субъектов рыночный экономический интерес определяется желанием самосохраниться в условиях разрешения проблемы редкости благ.

Существование рыночного экономического интереса как интереса самосохранения представлено во всех типах отношений. Если экономико-технологические отношения предполагают появление в первую очередь индивида как конечного (да и изначального) «заказчика» самосохранения, то во вторую очередь они предполагают превращение индивида в предпринимателя, решающего собственные задачи самосохранения, но и задачи самосохранения индивида, которым он продолжает оставаться. В свою очередь, организованный социум (совокупность индивидов) порождает экономико-социальные отношения, в которых уже государство реализует интерес самосохранения, обеспечивающий самосохранение предпринимателя и индивида. Задачи сбалансированного развития, порождаемые непредумышленными действиями всех заинтересованных лиц в рыночном социуме, определяют необходимость решения проблемы самосохранения рыночного социума и, следовательно, государства, предпринимателя и индивида. Возникновение экономико-политических отношений обеспечивается формированием гражданского общества, решающего задачу обеспечения сбалансированного развития рыночного социума и, следовательно, самосохранения государства, предпринимателя и индивида.

В рыночном социуме появлению идей, например, об изменении функций гражданского общества предшествует реализация идей чистого капиталистического производства, а в дальнейшем – реализация идеи рыночного социального государства. Лишь на этой основе может появиться осознание новой потребности в виде необходимости придания гражданскому обществу функций контроля за экономической властью и государственной властью. В. Г. Федотова, цитируя британского социолога Э. Гидденс, обращает внимание на роль гражданского общества на так называемом «третьем пути» (первый и второй пути – это идеологически «левая» и «правая» оценки государства в экономике), на котором гражданскому обществу предстоит стать фактором одновременного сдерживания государства и рынка. Однако такое отношение к гражданскому обществу как обществу, способному поставить под контроль и бизнес, и государство, начало формироваться только с начала 80-х годов XX века в США [16, с. 7].

Следовательно, субъект предпринимательского права – это результат персонификации рыночного экономического интереса, возникший в процессе эволюции стихийного самопорождающегося экономического порядка.

Персонификация экономического интереса является итогом взаимодействия сложного набора факторов, среди которых можно обнаружить субъективные и объективные. Первые связаны с осознанием субъектом права собственных экономических целей и интересов, а также определение им способов достижения соответствующих целей и реализации интересов. К объективным факторам относится непреднамеренное для каждого из участников формирование стихийного (объективного) порядка в процессе непосредственного участия лица в реализации собственных экономических целей и интересов.

Предпринимательское право как система норм в рассматриваемой ситуации предстает как система, описывающая правовой механизм согласования рыночных экономических интересов уже возникших (персонифицировавшихся) участников рыночно-экономических предпринимательских отношений.

Список литературы

1. **Белых В. С., Берсункаев Г. Э., Виниченко С. И. и др.** Предпринимательское право России: учеб. / отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2009. 656 с.
2. **Бушев А. Ю., Городов О. А., Ковалевская Н. С. и др.** Коммерческое право: учебник / под ред. В. Ф. Попандопуло, В. Ф. Яковлевой. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998. 518 с.
3. **Быков А. Г.** Предпринимательское право: проблемы формирования и развития // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1993. № 6. С. 4-9.
4. **Вознесенская Н. Н. и др.** Предпринимательское (хозяйственное) право: учебник / под ред. В. В. Лаптева, С. С. Занковского. М.: Волтерс Клувер, 2006. 560 с.
5. **Губин Е. П.** Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: дисс. … д.ю.н. М., 2005. 431 с.
6. **Ершова И. В.** Предпринимательское право: учебник. Изд-е 4-е, перераб. и доп. М.: ИД «Юриспруденция», 2006. 560 с.
7. **Занковский С. С.** Предпринимательские договоры в России. Проблемы теории и законодательства: дисс. … д.ю.н. М., 2004. 398 с.
8. **Кашанина Т. В.** Корпоративное право (право хозяйственных товариществ и обществ): учебник для вузов. М.: Издательская группа «НОРМА-ИНФРА-М», 1999. 815 с.
9. **Лаптев В. В.** Предмет и система хозяйственного права. М.: Юридическая литература, 1969. 175 с.
10. **Лаптев В. В.** Предпринимательское право: понятие и субъекты / Институт государства и права РАН. М.: Юрист, 1997. 140 с.
11. **Маркс К.** Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50-ти т. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 23. 705 с.
12. **Мартемьянов В. С.** Хозяйственное право. М.: БЕК, 1994. Т. 1. 298 с.
13. **Менгер К.** Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 496 с.
14. **Мороз С.** Частноправовые и публичноправовые аспекты в предпринимательском праве (предпринимательское частное и предпринимательское публичное право) [Электронный ресурс]. URL: http://www.zakon.kz/4533957-chastnopravovye-i-publichnopravovye.html (дата обращения: 11.09.2013).
15. **Предпринимательское право Российской Федерации**: учебник для вузов / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М.: Юристъ, 2005. 1006 с.
16. **Федотова В. Г.** Европейский «третий путь» и его символическое значение для России и других стран // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1. С. 3-18.
17. **Финнис Дж.** Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака и А. В. Панихиной. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012. 554 с.
18. **Фромм Э.** Революция надежды. Избавление от иллюзий / пер. с англ.; предисл. П. С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2005. 352 с.
19. **Хайек Ф. А. фон.** Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
20. **Халфина Р. О.** Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. М.: Издательство АН СССР, 1954. 239 с.

OBJECT OF LEGAL REGULATION OF MODERN ENTREPRENEURIAL LAW OF RUSSIA

Pashkov Andrei Viktorovich, Ph. D. in Law, Associate Professor
Samara State University
attorney83@ya.ru

The article presents the analysis of the modern conceptions of entrepreneurial law as an independent branch of law, and studies the main directions on the content of the object of entrepreneurial law legal regulation. The author's conception of the object of entrepreneurial law legal regulation, including the set of the entrepreneurial relations of economic-technological, economic-social, and economic-political type, is suggested. The formation of entrepreneurial relations is considered within the framework of spontaneous market order, which has natural law character, and provides the implementation of market economic interest in self-preservation by the subjects of entrepreneurial law.

Key words and phrases: object of entrepreneurial law legal regulation; economic-technological relations; economic-social relations; economic-political relations; market economic interest; subject of entrepreneurial law; freedom of entrepreneur; limits of state intervention in economy; inalienable rights of man; self-preservation as market economic interest.